Венгерские народные сказки

Дерево до небес

Было ли, не было, точно не знаю, а только все ж таки где-нибудь было, жил на свете король, и была у того короля красавица дочка. Женихов к ней сваталось - и не пересчитать! Со всего света съезжались королевичи статные, князья-герцоги знатные, гордые да разодетые. Но вот беда, ни один королевской дочке по сердцу не пришелся, всем отказывала она наотрез: ни за что замуж не пойду, говорила, не оставлю дорогого моего государя-батюшку, покуда жива. Сладко было королю слушать такое, сладко, да не радостно. Крепко любил он свою единственную дочку, и не отпускала его горькая дума: Вот умру, останется она, как былинка, одна-одинешенька, а все эти князья-королевичи, обозлясь, нападут да и отберут у сироты королевство . Много раз подступался король к дочери с уговорами: Одумайся, доченька любезная, что-то будет с тобой, когда я помру!
Но ничего не отвечала на это красавица дочка, молча уходила в любимый свой сад, краше которого не было в целом свете, и плакала там, и стенала: Да неужто могу я с этакой красотою расстаться? Где еще растут такие цветы ненаглядные!
Очень любила королевна цветы свои, а того пуще любила дерево, что росло посредине сада и - хотите верьте, хотите не верьте - доросло до самого неба. Нет, ни за что не пойдет она замуж, потому что такого сада, такого дерева нет в целом свете!
- Не бойся, мой садик любимый, и ты не бойся, мое дерево-до-небес, не покину я вас, покуда жива!
И вот, только она это выговорила, поднялся сильный ветер, закружил смерчем, подхватил королевну и унес ее в сине небо, словно и не стояла она только что под деревом, даже проститься не поспела ни с батюшкой любезным, ни с садом своим ненаглядным. А смерч как налетел, так и улетел в одночасье; опять засияло в чистом небе солнце, да только теперь уже не грело - палило оно, и цветы в саду все поникли, увяли, словно их кипятком обдали. Выходит из дворца старый король, спускается в сад, видит повсюду разгром и поруху, зовет:
-Доченька, доченька, где ты?! -Только нет его зову ответа.
Тут сбежались придворные, искать принялись, весь сад обшарили, во дворе, во дворце в каждый уголок заглянули - нет нигде королевны, пропала.
-Украли ее, как пить дать...
-А может, земля поглотила.
По-всякому судили-рядили люди, всякие догадки строили. Плакал старый король, словно дитя малое, как только сердце не разорвалось от великого горя. Всех на ноги поставил, королевну искать велел по всему государству и за его пределами, половину королевства сулил тому, кто дочь любимую ему сыщет. Искали королевну стар и млад, с ног сбились все - не нашли: словно в воду канула.
Время шло. Однажды увидел король во сне, будто дочку его подхватило смерчем - вот тогда же, когда тот страшный ураган сад погубил; вознес смерч королевну на дерево-до-небес и опустил там в замке девятиглавого дракона. И если не освободят королевну, быть ей дракону женой.
Вот оно, горе, да и это еще полгоря. Потому как, чтоб вам было известно, у дерева-до-небес листья такие, что на каждом целая страна помещается. А кто ж угадает-то, на каком листе находится замок дракона девятиглавого?!
Ну, послали опять повсеместно глашатаев, оповестили весь свет, что королевну смерчем унесло и теперь она на вершине дерева-до-небес томится, в замке дракона о девяти главах, а кто ее оттуда вызволит, тому король ее в жены отдаст и полкоролевства в придачу, после смерти же своей - все королевство.
Что тут сразу началось-поднялось! Со всего света царевичи-королевичи съехались, герцоги, графы, бароны всякие, рыцари иноземные кишмя во дворе кишат. Быстро съехались, да вскорости,

нос повесив, и назад воротились: к стыду своему, ни один и до середины дерева не умел взобраться.
А жил при дворе один паренек - свинопас. Много раз он видел в пух и прах разодетых витязей; гордо подходили они к дереву, чтоб наверх лезть, да не долго спустя вниз сползали, несолоно хлебавши. Ах ты, господи, - вздыхал свинопас, - вот бы и меня король к дереву допустил, попытал бы и я счастья!
Однажды, забывшись, он сказал это вслух, как вдруг подбегает к нему маленький поросенок. Потерся о колено да и говорит:
- Вот что я скажу тебе, свинопас! Ты всегда был добр ко мне, настало время добром тебе отплатить. Ступай сейчас к королю и скажи, что взберешься на дерево-до-небес и приведешь королевну назад. Но только прежде пусть король повелит забить того буйвола, у которого рог обломан, и сшить тебе из его шкуры одежки семь смен да семь пар бочкоров крепких. Как все получишь, на дерево полезай и до тех пор лезь, пока все семь пар бочкоров и одежды семь смен не истреплешь вконец, покуда они сами с тебя не свалятся. Тут увидишь ты прямо перед собой ветку, иди по ней до конца, а на самом конце будет листочек последний. Вступай на него смело, там и сыщешь замок девятиглавого дракона. Больше я тебе ничего не скажу, остальное - твоя забота.
Сказал и исчез в стаде свиней, ни полсловечка не добавил. Что ж, подумал молодой свинопас, второй жизни не бывать, смертыньки не миновать - надо счастья попытать. И пошел к королю. Поздоровался чин чином и все рассказал, что хотел.
Эх, слышали бы вы, как король хохотал! Хоть и щемило сердце от великого горя-печали, а все же смеялся, удержаться не мог.
- Ну-ка повтори еще раз, что сказал, никудышник ты эдакий! - приказал свинопасу король, словно не расслышал как следует.
- А то я сказал, ваше королевское величество, что влезу на дерево-до-небес и без королевны нипочем не вернусь... Ваша воля-хоть казните, хоть милуйте!
А с королем рядышком и его придворный дурак сидел. Спрашивает король дурака:
- Что скажешь, дурак, на эти дурацкие речи?
-Скажу, государь, что сосунок-свинопас в самый раз за второго шута сойдет.
Но тут уж молодой свинопас взъярился;
- Ваше величество государь, не слушайте вы дурака своего: из дурной дыры и ветер дурной. Прикажите лучше забить буйвола с обломанным рогом и справить мне одежки семь смен и семь пар бочкоров, а ежели я без барышни королевны вернусь, голова моя пусть на колу красуется.
Гм, гм, а ведь дело-то будто и нешуточное , - подумал король и сказал свинопасу:
-Ладно уж, Янош, сынок, будь по-твоему, но скажу тебе наперед: лучше сам с дерева пади, шею себе сверни, иначе не миновать тебе лап палача моего.
Поблагодарил Янош милостивого короля за добрые пожелания, и, когда изготовились семь пар бочкоров да одежки семь смен, взял он в руки топорик свой, размахнулся что было сил, всадил топорик в дерево и, ухватясь за топорище, полез; там еще раз топорик всадил, и еще, и еще-не успели люди моргнуть, а он уже и пропал из глаз, затерялся среди листьев громаднейших.
Семь дней, семь ночей взбирался он по чудо дереву без передыху, цеплялся за ствол, подтягивался, повисал на ветках здесь и там, пока не истерлись, не свалились с него седьмая одежка да седьмая пара бочкоров. И тут увидел он перед собой длинную-предлинную ветку- в точности, как поросенок тот говорил. Но какая ж она тонкая была, эта ветка, моей руки не толще, а может, и еще тоньше! Янош не стал долго раздумывать - лег на ветку животом и пополз вперед да вперед. Ветка выгибалась, качалась то вправо, то влево - что как обломится? Костей ведь не

соберешь!
Яношь, Яношь, вернулся бы ты от греха! - бормотал про себя свинопас, но это он только так бормотал: знал, что теперь-то нипочем не вернется, раз уж досюда долез, Прополз он эдак еще немного и видит; вот он, самый крайний на ветке листок, только б допрыгнуть до него! Собрался с духом Яношь, зажмурился - прощай, белый свет! - да и прыгнул... Так и шмякнулся, будто козленок новорожденный. Э, что за беда, главное дело, добрался. Зато как оглянулся вокруг, так глазами-то и захлопал, даже рот открыл. Оказалось, все здесь точь-в-точь, как и там, внизу. Были здесь леса, поля, деревни, города, ручьи, реки, море, только человека нигде не было видно, хоть бы самого завалящего.
Долго-долго шел Яношь, брел через горы и долы, леса и поля, а на седьмой день увидел перед собою алмазный дворец. Никогда еще не случалось ему такие дворцы видеть. Стоял дворец на петушиной ноге, не стоял, а вертелся, и было в нем тысяча окон и крылечек столько же. И вертелся он быстро-быстро, что твой смерч, даже еще быстрее. Хотел было Яношь на крылечко ступить, а оно, глядишь, уже на другой стороне. Он было вскочил на другое с лету, а его вмиг отшибло, наземь бросило, так что гул пошел.
-Ах, вы вот как! -завопил Яношь, разъярясь. - Ну, ничего, я вам тоже не дурак достался!
Схватил он топор, размахнулся, всадил в мелькнувшее мимо крылечко и, уцепившись за топорище, на том крыльце удержался, чинно вошел во дворец.
А королевна уже птицею летела ему навстречу.
-Ах, дорогой мой, желанный мой Яношка, и как же ты добрался, куда и птица не залетает!
- Вы про то, барышня королевна, сейчас не расспрашивайте, а ступайте со мною к вашему батюшке.
- Иисус, Мария и святой Иосиф! И не заикайся про это, словечко не вымолви, не то услышит тебя дракон девятиглавый, и тут нам с тобой обоим конец придет.
Вдруг - шум, гром - явился хозяин, все девять голов огонь изрыгают.
-А это еще кто такой, как сюда заявился? - грозно так спрашивает дракон королевну.
-Ах, дракон миленький, не тронь паренька, - взмолилась королевна. - Это слуга мой верный, он мальчонка еще, взобрался сюда, меня разыскал и здесь мне услужать хочет.
- Будь по-твоему, - проворчал дракон, - пусть поживет, но только задам я ему работенку, погляжу, хорош он иль плох.
Была у дракона в конюшне лошадь, худющая и хромая. Велел дракон Яношу за этой клячей смотреть, да по-особому: что ни попросит бедная животина, того ей никак не давать, что-то другое подсовывать.
- Гляди ж у меня, - прорычал дракон, - исполняй все в точности, иначе жизнью поплатишься.
Ну, такая работа разве ж работа! - подумал Яношь и бегом на конюшню. Вбежал да и замер на пороге. Никогда страшней лошади он не видел. Кожа да кости, и на ногах уже не стоит, лежит, бедолага, на грязной подстилке и стонет, да так жалобно стонет! Бросил ей Яношь охапку травы, она и ухом не повела. Ячменя дал отборного - и не взглянула. Стал Яношь уговаривать, улещивать конягу несчастного, поешь, мол, хоть сколько-нибудь поешь. Нет, ни травиночки в рот не взял бедный конь, ни зернышка. И вдруг заговорил человеческим голосом:
- Вижу я, паренек, что сердце у тебя доброе, да только напрасно ты меня травою да ячменем потчуешь, мне это все негоже. Мой корм - алый жар из костра, да только не дает его мне хозяин мой. Затеял он извести меня, потому как один только я и знаю секрет, как его самого погубить.
- Так что же дать-то тебе? - спросил Яношь.
- Набери, сынок, жару побольше и мне принеси.
- Я бы не прочь, но дракон наказал ни за что не давать тебе того, что попросишь.

- Что ж, не дашь, так не дашь, зато и королевну свою не сумеешь вызволить, - сказал Яношу конь.
Как услышал Янош эти слова, больше его просить не пришлось.
- Коли так, бедный ты коник мой, все исполню, что пожелаешь.
- Тогда слушай, - сказал ему конь-горемыка. - В воскресенье дракон с королевной в церковь пойдет, ты же дома останься. Ступай на задний двор, увидишь- дрова костром сложены, ты огонь разожги, остальное уж мое дело будет.
Едва дождался Янош, чтоб дракон с королевной в церковь ушли, развел огонь, а когда прогорели дрова, подхватил на лопату жару алого и понес лошади. Не успел оглянуться - все она съела до последнего уголька и в ту же минуту на ноги поднялась. Встала да прямиком во двор и, сколько было там жару, весь уплела, пепла и того не оставила. Яношка наш так глаза и вытаращил, даже рот открыл, стоит, дивится. Да то ли еще он увидел! Засиял, засверкал золотом красавец конь, налился силою, ребер уже и не видно. Глядит Янош, себе самому не верит: не четыре ноги у коня, а все пять!
Встряхнул тут конь пышной гривою, фыркнул, воздух в себя потянул, а Яношка глядит, наглядеться не может. Дивный скакун стоит перед ним, золотистой масти красавец, и сверкает так, что глазам больно, легче уж на солнце смотреть.
- Ну, паренек, отплачу я добром за твое добро. Слушай внимательно. Спустись поскорей в погреб, увидишь там седло, уздечку и меч. Хватай их и тащи сюда поскорее.
Бросился Яношка в погреб, подхватил седло, уздечку да меч и - давай бог ноги, но не успел на свет выбраться, как прилетел дракон, шум поднял несусветный.
- Стой, - кричит Яношке, - куда сбрую тащишь?
Выхватил он меч у Яноша из рук, замахнулся - вот сейчас голову снесет.
- Прощайся с жизнью, человечье отродье, - кричит. - Обманул ты меня, пощады не жди!
- Не убивай, дракон, не лишай меня жизни, - взмолился Яношка, - больше из твоей воли не выйду.
- Нет уж, человечье отродье, убью, не помилую, а только выпьем сперва по чаше вина за грехи твои.
Без долгих речей подошел дракон к самой большой бочке, нацедил оттуда вина в две чаши, одну себе взял, другую дал Яношу,
- Пей, - сказал, - другого-то раза не будет.
Выпили оба, а Яношка все просит жизни его не лишать.
- Не убивай ты меня, девятиглавый дракон, никогда больше не стану тебя обманывать!
- Нет, Янош, я не верю тебе. А вот вина давай еще выпьем, теперь уж за мои прегрешения.
Выпили еще по одной чаше. И вдруг, господи помилуй, - что ж это? - пустился дракон в пляс.
Пляшет да приговаривает:
- Ну-ка, лапа, ты сюда, ну-ка, лапа, ты туда...
И так доплясался, что наземь брякнулся, лапы в стороны откинул и заснул мертвым сном.
Янош, конечно, опрометью прочь побежал! Ничего бы не стоило ему все девять голов драконовых отрубить, да только сообразил поздненько, когда уже на дворе оказался. Рассказал он скакуну все, как было.
- Скорей, паренек, седло на спину мне, подпруги затяни, уздечку надень... А что дракона не тронул, то к лучшему, - сказал мудрый конь. - Ты б ему одну голову-то отсек, а остальные восемь тут и проснулись бы, и пришел бы тебе конец.
Мигом оседлал скакуна Яношка, вскочил на него и спрашивает:
- И куда ж мы теперь поскачем, мой конь золотой, в какие такие края?
- В лес поскачем, мой молодой господин. Разыщем там дикого вепря, да не простого, особенного. В голове у того вепря кубышка, а в кубышке-девять ос пребольшущих. В этих-то осах вся сила

драконова. Коль удастся нам их всех истребить, станет дракон слабее младенца.
Только договорил золотистый скакун, помчались они быстрей ветра. Не успел Янош глазом моргнуть, а лес-то вот он.
- Глянь-ка, милый ты мой господин, вепрь нам навстречу бежит.
И впрямь видит Янош: ломится вепрь через подлесок, прямо на них устремился, клыки ощерил, на дыбы вскинулся, вот сейчас ударит. Да только не зря золотистый скакун о пяти ногах был! Вскинул он пятую ногу и так ею пнул вепря в бок, что тот навзничь упал, брюхом кверху. Тут и Яношка осмелел, меч свой выхватил, ударил вепря, с маху голову надвое расколол.
А оттуда заяц -скок да наутек! Эге-гей, вот он, не упустить бы! Мчится заяц, ветер обгоняет, да только еще быстрей летит скакун о пяти ногах, догнал зайца, пятой ногою лягнул, у бедного зайчишки и дух вон. Тут Янош с коня соскочил, голову зайца надвое рассек, видит-и правда кубышка запрятана, а в ней не иначе как осы, потому что гудит, жужжит что-то внутри, об стенки торкается, будто черт их гоняет. Янош наш, не долго думая, кубышку на плоский камень положил, а другой камень, плоский да тяжеленный, сверху на нее бросил - ни тебе кубышки, ни ос.
- Ну хозяин мой молодой, - говорит пятиногий скакун, - теперь можем смело домой ворочаться. Дракона девятиглавого бояться нечего.
Так и случилось: прискакали они во дворец, а дракон в погребе лежит, совсем ослабел, муху и ту не согнал бы.
- Так это ты погубил силу мою? - простонал он, Яноша завидев.
- Кто ж, как не я! И тебя погублю, а королевну домой увезу.
- Не губи меня, Янош, - взмолился хитрый дракон, - забирай свою королевну и все мои сокровища, какие только найдешь.
- Не нужны мне твои сокровища, злой погубитель! - закричал Яношка и отсек все девять голов одним махом, чтоб не ожил злодей, не творил больше бед.
И сразу кинулся королевну искать. Рассказал он ей обо всем, где побывал да что сделал с тех пор, как они в последний раз виделись.
- Ой, любимый мой Яношка, - вскрикнула королевна, сама не своя от радости, - ни за кого не пойду, только твоею буду, здесь ли, дома ли, мне все едино.
-Да уж, ясно дело, здесь мы с тобой не останемся, - сказал Яношка, - как-нибудь домой добираться будем.
Чего ж бы и не добраться, когда дорога есть! И тут только вспомнил Янош, как полз по тоненькой ветке сюда. Сам-то он и назад проползет, а с королевной что делать? Закружится у бедненькой голова, как пить дать закружится, и сорвется она с ветки вниз.
Что делать, что же мне делать? -ломал себе голову Янош и ходил по двору взад-вперед, совсем нос повесил. Вдруг смотрит - стоит перед ним пятиногий скакун.
- Что опечалился, молодой хозяин? - спрашивает конь.
Рассказал ему Янош про свою печаль.
- Эх, хозяин, нашел о чем печалиться. Садитесь-ка вместе с королевною мне на спину и ни о чем не тревожьтесь.
Ну, коли так, мигом вскочили Янош с королевной на коня пятиногого.
- А теперь закройте глаза! - Конь им приказывает.
Только они закрыли глаза, а уж слышат:
- Откройте глаза!
Открыли. Видят: стоит конь посреди двора королевского. Соскочили они наземь и бегом во дворец, в покои самого короля.
А король в этот час, прости господи, уже при смерти был. Однако же, когда дочку единственную

завидел, с ложа его будто ветром сдуло, только что в пляс не пустился - спасибо, удержали его. Тотчас велел он призвать священника и мигом обвенчал молодых. А потом задал пир горой, семь стран-государств на том пиру пировало, семь дней, семь ночей все ели, пили, плясали. И я на том пиру был, до тех пор танцевал, пока башмаки задом наперед не свернул, а тогда уж и сам назад повернул, домой побежал, сам себя догонял, даже пряник медовый с собою не взял.
А кто мне не верит, пусть пойдет да проверит.